

РОДОВОЕ ГНЕЗДО

ИСПОВЕДЬ НА ПЕПЛЕ

ЧАСТЬ I

НИКА ЛЕЙНБЕРГ

18+

Родовое гнездо: исповедь на пепле

Ника Леинберг

**Родовое гнездо: Исповедь
на пепле. Часть I**

«Автор»

2026

Леинберг Н.

Родовое гнездо: Исповедь на пепле. Часть I / Н. Леинберг — «Автор», 2026 — (Родовое гнездо: исповедь на пепле)

Она приехала на похороны деда, чтобы проститься с героем. А нашла расследование, которое перевернуло всё, что знала о своей семье. Семнадцать лет Алиса жила с чувством, что её мать умерла не случайно. «Несчастный случай» — говорили родственники, но записка, найденная в старом шкафу, шептала другое: «Прости, что не оправдала». Приехав в родовое поместье, молодая выпускница-психолог сталкивается со стеной молчания. Но Алиса не верит в случайности. Слишком много странностей: сгоревшие бумаги в камине, письма без адресатов, женщина с чужим именем на старых фотографиях. Она начинает расследование и с каждым шагом понимает: легенда рушится, обнажая чудовищную правду. Сможет ли она дойти до конца и узнать, что на самом деле случилось с матерью? «Родовое гнездо» — психологическая семейная драма о том, как молчание становится оружием, а любовь — тюрьмой. О том, что иногда, чтобы исцелить корни, нужно перерубить ствол.

© Леинберг Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
ГЛАВА 1. ДОМ С БЕЛЫМИ КОЛЛОНАМИ	8
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Родовое гнездо: Исповедь на пепле. Часть I

Пролог

Телефон зазвонил в 6:47 утра. Алиса не спала — разбирала конспекты по детской травме, пила остывший чай и думала о том, что диссертация защищена, а внутри — пустота, которую положено заполнять радостью. Но радости не было.

— Аллю?

— Алиса Владимировна? — голос мужской, официальный, с лёгкой хрипотцой. — Вас беспокоят из городского морга. Ваш дедушка, Владимир Сергеевич, скончался сегодня ночью. Инфаркт. Нашли соседи. Нужно приехать для опознания и забрать документы.

Она молчала. Секунду. Две. Три.

— Я поняла, — сказала она ровно. — Приеду через два часа.

Положила трубку и посмотрела в окно. За окном было серое питерское утро, мокрый асфальт и дворник, который методично сгребал прошлогодние листья в кучи. Алиса заметила, что её пальцы сжимают кружку так сильно, что побелели костяшки. Она разжала их. Поставила чашку.

Владимир Сергеевич. Дед.

Она не заплакала. И это было первое, что она отметила в себе с холодным профессиональным интересом: отсутствие аффекта. Диссоциативная реакция? Или — нет, не то. Скорее — давно подготовленная почва.

Она встала, прошла в ванную, умылась ледяной водой. Посмотрела в зеркало. Лицо было бледным, но спокойным. Глаза сухие. Двадцать три года, диплом клинического психолога, и первый трюп в моей жизни — это трюп человека, которого я должна была любить.

Но она не любила. И это был второй, более страшный факт.

Она вспомнила его лицо. Не то, которое показывали на праздниках, — улыбающееся, величественное, с орденом на пиджаке. А другое: когда она была маленькой и приезжала на лето в тот самый дом с колоннами. Он сидел в кабинете, в полумраке, и смотрел на неё поверх очков. Никогда не гладил по голове. Никогда не спрашивал, как дела. Только говорил: «Будь достойной нашей фамилии». И она, пятилетняя, кивала, не понимая, что значит достойной.

Мама умерла через год. Алиса тогда не знала, что это самоубийство. Ей сказали — «несчастный случай». И она верила до шестнадцати лет, пока случайно не нашла в мамином шкафу записку, зажатую между книгами. Там было всего две строчки: «Прости, что не смогла быть лучше. Прости, что не оправдала». Кому адресовано? Не ей, конечно. Деду.

Алиса тогда впервые ощутила то, что теперь называла «эффектом белого шума» — когда в голове тысячи мыслей, но ни одной внятной. Она спрятала записку обратно. Никому не сказала.

Теперь он умер. И она поняла, что вместо боли чувствует только тяжесть в груди — не скорбь, а груз, который нужно куда-то деть. Может быть, поэтому она согласилась поехать. Не чтобы проститься. Чтобы убедиться.

Она оделась, накинула пальто, вышла. В лифте встретила соседку с собачкой, та что-то сказала про погоду, Алиса вежливо улыбнулась, кивнула. И поймала себя на том, что улыбка вышла точно такая же, как у деда на всех семейных фото: механическая, приклеенная, не имеющая отношения к реальности.

Он передался мне, — подумала она с внезапным ужасом. — Я ношу его улыбку.

На улице моросил дождь. Она вызвала такси, села на заднее сиденье и достала телефон. В группе семейного чата уже было сообщение от тёти: «Дорогие, наш папа ушёл. Сегодня в 4 утра. Светлая память».

Эмодзи свеча. Тридцать сообщений от родственников, которых Алиса видела раз в пять лет. Все скорбят. Все помнят героя.

Алиса набрала ответ: «Соболезную». И сразу удалила. Написала снова: «Я выезжаю». Отправила.

Она знала, что будет дальше. Дом с колоннами. Толпа родни, которая станет говорить о нём в превосходной степени. Поминальный ужин. Истории о том, каким он был замечательным. И её собственная роль — внучка, которая обязана плакать.

Но она не будет плакать.

Она будет смотреть, слушать, запоминать. Как настоящий психолог. И, возможно, впервые в жизни она позволит себе задать единственный вопрос, который её мучил все эти годы: почему мама не смогла быть лучше? И кто заставил её в это поверить?

Такси остановилось у серого здания с табличкой «Морг». Алиса вышла, подняла воротник и сделала первый шаг.

За её спиной оставалась учебная теория. Впереди — живая, дышащая, воняющая смертью правда. И она уже знала: эта правда перевернёт всё, что она знала о себе и о своей семье.

Но пока она не знала главного: что дед умер не просто так, а оставил после себя не только наследство, но и ключ к тайне, которую хранил шестьдесят лет. И этот ключ — пачка старых писем в верхнем ящике его стола. Писем, которые она найдёт через три дня.

А пока — только холод, запах формалина и первый удар сердца, который сказал ей: ты свободна.

И она испугалась этого удара больше, чем смерти.

ГЛАВА 1. ДОМ С БЕЛЫМИ КОЛЛОНАМИ

Таксист оказался разговорчивым. Всю дорогу от морга до пригорода он рассказывал о том, как его теща умерла от рака, а он купил на её деньги новый телевизор, и теперь каждый вечер смотрит футбол и думает, что она бы одобрила, потому что она любила шум. Алиса слушала вполуха, кивала в нужных местах, но думала о другом. О том, что через пятнадцать минут она увидит дом. Тот самый дом, который снился ей в кошмарах до шестнадцати лет, а потом перестал сниться — как будто психика выработала иммунитет.

За окном мелькали берёзы, чахлые кусты сирени, бетонные заборы новых коттеджей, которые лепились к старой дороге как грибы после дождя. Пригород менялся — это было заметно даже по тому, как асфальт сменился гравием, а гравий — утрамбованной землёй с рытвинами. Последние два километра таксист выругался трижды, потому что колёса проваливались в ямы, и Алиса подумала, что это правильно. Дом не хотел пускать гостей. Он всегда был таким — негостеприимным.

— Это здесь? — таксист сбавил скорость и кивнул на кованые ворота с выцветшим гербом.

— Да, здесь.

Она вышла из машины, расплатилась, взяла маленький чемодан, в котором лежали только смена белья, зубная щётка, блокнот и три ручки. Больше она ничего не взяла. Ей казалось, что вещей не должно быть много — как будто она приехала не жить, а наблюдать. Как следователь на место преступления.

Ворота были приоткрыты. Алиса толкнула створку рукой — она заскрипела, жалобно, протяжно, и этот звук ударил по позвоночнику. Она помнила его. Она была маленькой и не могла дотянуться до ручки, поэтому дед всегда открывал ворота сам, а она стояла и ждала, глядя на его широкую спину в сером пиджаке. Он никогда не оборачивался.

Алиса вошла внутрь.

Дорожка, выложенная старым кирпичом, вела к парадному крыльцу. Дом действительно был с белыми колоннами — четыре массивные, чуть пожелтевшие от времени колонны поддерживали треугольный фронтон. Когда-то их красили каждую весну, но сейчас краска облупилась, кое-где виднелся серый бетон. Окна были высокие, арочные, с тяжёлыми шторами изнутри — они не пропускали свет, и дом казался слепым. Слева от дома рос старый дуб, его ветви закрывали половину крыши. Алиса помнила, как дед говорил, что этот дуб посадил его прадед, а значит, дерево старше дома. Или дом старше дерева — она уже не могла вспомнить точно. Тогда это казалось важным, деталью, которая подтверждала величие рода. Теперь она смотрела на дуб и видела только сухие сучья и кору, изъеденную жуками. На одной из нижних ветвей висело воронье гнездо — тёмное, неопрятное, словно дом для отверженных. Родовое гнездо, — мелькнула горькая мысль. Только птицы вылетают из него, чтобы больше не возвращаться. А мы возвращаемся. Потому что не можем иначе.

Она поднялась на крыльцо. Ступени были каменными, с вытертой серединой — туда падали тысячи ног за сто лет. Алиса задержалась на верхней ступени и посмотрела на дверь.

Дубовая, с бронзовой ручкой в виде львиной головы. Она протянула руку, но не коснулась. Вместо этого она просто стояла и слушала, как бьётся сердце.

Ты не боишься, — сказала она себе. — Ты психолог. Ты знаешь, что страх — это химическая реакция, которую можно купировать дыханием.

Она сделала глубокий вдох. Три выдоха. И нажала на ручку.

Дверь открылась бесшумно — кто-то недавно смазал петли. Алиса перешагнула порог и оказалась в прихожей. В нос ударил запах: старый паркет, нафталин, сухие цветы и ещё что-то сладкое, приторное — может быть, духи тёти Инны, а может быть, восковые свечи, которые жгли в комнатах, чтобы заглушить запах смерти. Запах здесь был слоёным, как пирог: каждый слой — своя эпоха, своя история.

— Алисочка! — раздался голос из глубины коридора, и через секунду к ней уже спешила тётя Инна. Она была полная, с высоко зачёсанными седыми волосами, в чёрном платье до колен, на шее — янтарные бусы. Она всегда их носила на все семейные мероприятия, даже на похороны. Алиса помнила эти бусы ещё с детства, и ей казалось, что тётя Инна никогда не снимает их, что они вросли в кожу.

— Алисочка, деточка, как же я рада, что ты приехала! — тётя Инна схватила её за плечи, притянула к себе, и Алиса почувствовала, как её лицо уткнулось в мягкое, пахнущее ванилью плечо. — Ты такая худенькая, совсем не ешь, наверное. Проходи, проходи, не стой в дверях. На кухне уже всё готово, я испекла твой любимый пирог, помнишь, с яблоками?

Алиса не помнила. Она вообще не помнила, чтобы тётя Инна когда-нибудь пекла пирог с яблоками. Но она улыбнулась — механически, той самой улыбкой, которую утром заметила в зеркале.

— Спасибо, тётя Инна. Я очень рада.

— Проходи в гостиную, там все уже собрались. Борис, Денис, ещё приехала двоюродная Надя из Клина, ты её, наверное, не помнишь, вы виделись, когда тебе было три года. Ой, да что я говорю, проходи, проходи!

Тётя Инна подхватила её под локоть и повела по коридору. Алиса шла и рассматривала стены. Здесь висели портреты — все в золочёных рамах, с темноватыми лицами, покрытыми лаком времени. Мужчины с усами и без усов, женщины в платьях с кружевными воротниками. Семейная галерея. Дед всегда говорил, что они должны висеть здесь, чтобы дети знали, кто был до них. Алиса смотрела на эти лица и пыталась найти в них общие черты. Те же скулы, те же глаза — но взгляд у всех был разный: кто-то смотрел снисходительно, кто-то настороженно, кто-то с лёгкой, почти незаметной усмешкой. И всех их объединяло одно — ни один не улыбался. Строгие, замкнутые лица, будто улыбка была роскошью, недоступной этому роду.

В конце коридора была дверь в гостиную. Тётя Инна распахнула её — и Алиса увидела комнату, которую помнила наизусть. Высокий потолок с лепниной, хрустальная люстра, которая раньше казалась невероятной, а теперь выглядела пыльной и слишком массивной для этого пространства. Диваны с бархатной обивкой цвета бордо, кресла с высокими спинками, дубовый стол в центре, накрытый белой скатертью.

За столом сидели двое. Дядя Борис — брат мамы, её дядя, который когда-то был красивым мужчиной, а теперь превратился в опухшего, краснолицего человека с мешками под глазами. Перед ним стояла наполовину пустая бутылка водки и тарелка с солёными огурцами. Рядом с ним сидел Денис — его сын, кузен Алисы. Он был ровесником Алисы, но выглядел старше: залысины, очки в тонкой оправе, нервные пальцы, которые постоянно что-то теребили — сейчас это была салфетка.

— Алиса, — Денис встал, неловко улыбнулся. — Ты приехала. Я думал, ты не захочешь.

— Я не хотела, — честно сказала Алиса. — Но подумала, что должна.

— Правильно, — проворчал дядя Борис, не поднимая головы. — Все должны. Семья должна быть вместе. Вот так.

Он поднял рюмку, залпом выпил, крикнул. Тётя Инна бросила на него укоризненный взгляд, но ничего не сказала — она уже привыкла к дядиной натуре и давно перестала с ним бороться.

— Садись, Алисочка, — сказала тётя Инна, пододвигая стул. — Я сейчас принесу пирог. И чай. Или ты хочешь чего-то покрепче? У нас есть коньяк, папин любимый, остался почти полный графин.

— Чай, — сказала Алиса. — Можно чай.

Тётя Инна кивнула и вышла. В гостиной стало тихо. Дядя Борис налил себе ещё, Денис смотрел в окно, за которым медленно собирались тучи. Алиса сидела и рассматривала свои руки — длинные пальцы, чистые ногти без лака, маникюр она делала на прошлой неделе, но он уже начал облезать. Психологи часто смотрят на руки. Она читала, что руки выдают тревогу — у тревожных людей они всегда в движении. Её руки были неподвижны.

— Ну как там? — спросил Денис, кивая в сторону окна, будто имел в виду что-то за его пределами.

— Что «как»?

— В морге. Ты ездила, да? Тётя сказала, тебя вызывали на опознание.

— Да. Я ездила.

— И как он выглядел? — Денис задал этот вопрос шёпотом, как будто боялся, что умерший дед услышит.

Алиса на мгновение закрыла глаза. Она вспомнила холодное помещение с кафельной плиткой, металлическую каталку, белое покрывало, которое приподнималось в районе груди — она знала, что там тело. Мужчина в халате откинул покрывало, и она увидела лицо деда. Серое, неподвижное, с закрытыми глазами. Он выглядел старше, чем в жизни — будто смерть вытянула из него остатки силы и оставила только пустую оболочку.

— Он выглядел... обычным, — сказала Алиса. — Мёртвым.

— Жестоко звучит, — заметил дядя Борис, хмыкнул. — «Мёртвым». Но по делу. Не нужно приукрашивать.

— Борис! — в дверях появилась тётя Инна с огромным подносом, на котором дымился чайник и стояла тарелка с пирогом. — Что за разговоры за столом? Мы поминаем отца, а ты говоришь какие-то ужасные вещи.

— А какие вещи говорить? — дядя Борис поднял на неё мутные глаза. — Скажи мне, Инна, какие вещи мы должны говорить? Что он был святым? Что он был героем? Я знаю, что он был, я с ним жил под одной крышей двадцать лет, и я знаю его лучше всех.

Тётя Инна поставила поднос на стол так резко, что чашки звякнули. Её лицо покрылось красными пятнами — Алиса помнила эту особенность: когда тётя злилась, на шее у неё проступала сыпь, и она становилась похожей на рассерженного индюка.

— Замолчи, Борис. Не при детях.

— Каких детях? — дядя Борис обвёл рукой комнату. — Денису двадцать пять, Алисе двадцать три. Они не дети. Они взрослые люди, которые видят, что ты делаешь из покойника икону. А он был... он был просто человеком.

Алиса смотрела на них и чувствовала, как внутри нарастает то самое холодное профессиональное любопытство. Вот оно. Система. Тётя Инна — хранительница мифа. Дядя Борис — разрушитель, но слабый, не уверенный в себе, поэтому его бунт выражается только в пьяной брани. А Денис...

Она перевела взгляд на кузена. Денис сидел, опустив голову, и теребил край скатерти. Он избегал смотреть на отца и на тётю. Он смотрел только на свои пальцы, будто в них была записана инструкция к спасению.

— Денис, — тихо сказала Алиса. — Ты давно здесь живёшь?

Денис вздрогнул, как будто его разбудили. Поднял глаза — они были светло-карими, почти жёлтыми, похожими на глаза старой собаки.

— Я? Я... я переехал сюда два года назад. Папа болел, я хотел помочь. А потом дед... дед сказал, что я должен остаться, потому что мужчина в доме должен быть.

— Мужчина, — усмехнулся дядя Борис, наливая себе ещё. — Да, мужчина. Он говорил, что я — не мужчина, и что Денис — последняя надежда рода. И что ему нужно стать инженером, как он, а не каким-то там... кто ты у нас, Денис?

— Копирайтер, — тихо сказал Денис.

— Копирайтер! — дядя Борис хлопнул ладонью по столу, и рюмки подпрыгнули. — Писака, одним словом. Никуда не годный писака. Стыдно, Денис. Стыдно, что ты не оправдал надежд деда.

Алиса заметила, как дёрнулось лицо Дениса, как побелели костяшки на пальцах. Он сжал салфетку так сильно, что ткань порвалась. Она хотела что-то сказать, вмешаться, но тётя Инна опередила её.

— Борис, прекрати! — она подошла к столу, взяла бутылку и убрала её в буфет. — Ты уже достаточно выпил. Иди проспись, а мы с девочкой посидим, поговорим. Иди, я сказала!

Дядя Борис посмотрел на неё долгим, тяжёлым взглядом. Он хотел возразить, но что-то в голосе сестры, какая-то стальная нота, которую Алиса никогда раньше не слышала, заставила его подняться. Он встал, пошатнулся, опёрся о спинку стула.

— Ты такая же, как он, — сказал Борис тихо, почти любовно. — Такая же. Командирша. Правильная. А я... я просто устал.

Он вышел из гостиной, и его шаги затихли в коридоре, а потом хлопнула дверь — наверное, он ушёл в свою комнату на втором этаже.

В гостиной повисла тишина. Тётя Инна стояла у буфета, спиной к ним, и плечи её слегка подрагивали. Алиса видела, что она сдерживается, пытается не расплакаться. Денис сидел, уставившись в стол.

— Тётя Инна, — мягко сказала Алиса. — Давайте я налью чай. Вы присядьте.

Она встала, взяла чайник, разлила чай по чашкам. Нашла в буфете сахарницу, ложки. Движения были механическими, но они её успокаивали. Контроль над ситуацией. Действие вместо наблюдения. Это помогает снять напряжение.

Тётя Инна медленно повернулась, вытерла глаза краешком платка и села напротив Алисы.

— Прости, Алисочка. Ты приехала, а мы тебя встречаем такой атмосферой. Твой дядя... он всегда был сложным. После того как его уволили с завода, он сломался. И папа... папа его не поддерживал. Он говорил, что мужчина должен сам выбираться из ямы, а не ждать, что его вытащат.

— Это жестоко, — сказала Алиса. — Человеку нужна поддержка, особенно когда он теряет работу.

— Ты права, — тётя Инна кивнула, и в её голосе послышалась усталость человека, который признаёт правду, но не может её изменить. — Но папа был воспитан по-другому. Он считал, что жизнь — это борьба, и что слабым в ней не место. Он сам прошёл через многое. Войну. Голод. Он выжил. И он хотел, чтобы мы все были сильными.

— Но мама не выжила, — сказала Алиса.

Это вырвалось раньше, чем она успела подумать. Слова повисли в воздухе, как лезвия. Тётя Инна замерла с чашкой у губ. Денис поднял глаза и посмотрел на Алису с удивлением, смешанным с испугом.

— Алиса, — тихо сказала тётя Инна, ставя чашку на блюдце. — Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что мама умерла, когда мне было пять. И все говорят, что это был несчастный случай. Но я нашла записку, тётя Инна. Я нашла записку в её шкафу, когда мне было шестнадцать. Она написала: «Прости, что не оправдала». Ты знаешь об этой записке?

Тётя Инна побледнела. Её руки, которые только что держали чашку, упали на стол, и она сжала их в замок, будто молилась.

— Ты... ты нашла записку? — голос тёти Инны дрогнул. — Алиса, зачем ты её искала?

— Я не искала. Я случайно наткнулась, когда перебирала мамини вещи после того, как мы переехали в квартиру. Я не поняла тогда, что это значит. Но сейчас я начала думать. Мама не могла просто так умереть. Она была депрессивной, я знаю. Я помню, как она плакала по ночам. А дед — он говорил ей, что она недостаточно хороша?

— Алиса, — тётя Инна перегнулась через стол, схватила её за руку. — Деточка, это сложно. Это очень сложно. Мы не должны сейчас это обсуждать, не здесь, не за поминальным столом. Давай после похорон, хорошо? Мы с тобой поговорим, я всё расскажу. Но не сейчас. Пожалуйста.

Алиса смотрела на тётю, на её расширенные зрачки, на то, как она облизывает пересохшие губы. Страх. Чистый, животный страх. Она боится, что тайна выплывет наружу. Но почему? Что такого мог сделать дед, что тётя Инна, его дочь, боится говорить об этом даже через двадцать лет после смерти матери Алисы?

— Хорошо, — сказала Алиса, откидываясь на спинку стула. — Не сейчас. Но я хочу знать правду. Я имею право на неё.

— Ты имеешь, — кивнула тётя Инна, вытирая выступивший на лбу пот. — Но правда... она не всегда приносит облегчение. Иногда она убивает. Ты знаешь, я ведь тоже психолог, училась в институте, два курса, пока папа не сказал, что это женское баловство и что я должна помогать по дому. Но я знаю достаточно, чтобы понимать: некоторые вещи должны оставаться похороненными.

— В таком случае, зачем нужна психология? — спросила Алиса, и в её голосе послышалась горечь. — Если всё, что мы делаем, — это закапываем боль глубже?

Тётя Инна не ответила. Она встала, взяла тарелку с пирогом и поставила её перед Алисой.

— Ешь, — сказала она жёстко, почти приказным тоном. — Ты приехала в дом твоего деда. Ты будешь уважать его память. А все твои теории и дипломы оставь за порогом. Здесь они не работают.

Алиса взяла кусок пирога. Она не хотела есть, но взяла. Тёплое тесто, сладкая начинка. Она жевала и думала о том, что если психология не работает в доме деда, значит, дом деда — это пространство, где правда не имеет власти. А значит, правду нужно добывать другими способами.

После поминального обеда, который длился ещё два часа и состоял из бесконечных тостов, слёз, воспоминаний и пьяных разговоров, Алиса наконец смогла выскользнуть из гостиной. Она поднялась на второй этаж, туда, где были спальни. Коридор второго этажа был узким, с низким потолком, и пахло здесь иначе — плесенью и старыми обоями. Алиса прошла до конца, остановилась у двери, которую знала с детства. Комната матери.

Дверь была заперта. Алиса подёргала ручку — бесполезно. Она заглянула в замочную скважину, но там было темно.

— Она заперта с тех пор, как твоя мама умерла, — раздался голос за спиной.

Алиса обернулась. В коридоре стоял Денис. Он выглядел бледным, уставшим, но глаза его блестели — не пьяным блеском, а каким-то другим, лихорадочным.

— Ты следил за мной? — спросила Алиса.

— Нет. Я просто хотел выйти на балкон, подышать. Но увидел, что ты идёшь сюда. Я знал, что ты захочешь посмотреть на её комнату. Я тоже хотел, когда приехал. Но дядя Борис сказал, что ключ у тёти Инны, и она никому не даёт его. Говорит, что там слишком больно.

— Больно кому?

— Ей. И всем нам. Она говорит, что там хранится призрак.
Алиса усмехнулась.

— Призраки живут в головах, Денис. А комната — это просто комната.

— Ты думаешь? — Денис подошёл ближе. — А я думаю, что если бы призраки жили только в головах, то тётя Инна не стояла бы под дверью каждую ночь и не говорила с закрытой дверью. Я слышал. Она шепчет: «Таня, прости. Таня, я не знала. Таня, если бы я могла...»

Алиса почувствовала, как внутри что-то оборвалось. Таня. Так звали её маму. Тётя Инна разговаривала с мёртвой мамой по ночам. Зачем? О чём она просила прощения?

— Ты уверен? — спросила Алиса, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Абсолютно. Я живу здесь два года. Я слышу много всего. Дом старый, он скрипит, но голос тёти Инны я узнаю из тысячи. Она стоит здесь, у этой двери, и говорит. Иногда по полчаса. А потом уходит, молча, и идёт на кухню пить чай, как будто ничего не было.

Алиса снова посмотрела на дверь. Тёмное дерево, потёртая медная ручка. За этой дверью была жизнь её матери — её игрушки, её книги, её платья. И, возможно, ответы.

— Ключ, — сказала Алиса. — Ключ должен быть где-то в доме.

— Тётя Инна носит его с собой, — Денис покачал головой. — На цепочке, под платьем. Она никогда не расстаётся с ним, даже в душе. Я однажды видел, как она мыла руки в ванной, и ключ выпал из ворота. Она так испугалась, что чуть не упала. Схватила его и прижала к груди, как ребёнка.

Цепочка на шее. Ключ, который не снимают даже в душе. Это не просто ключ — это реликвия. Или защита. Алиса представила себе тётю Инну с этим ключом и поняла, что тётя не хранит комнату — она охраняет её. От кого? От правды. От самой себя. Или от Алисы.

— Спасибо, Денис, — сказала Алиса. — Ты мне очень помог.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.